

Всеволод Гаршин

Очень коротенький роман

*Часть сборника
Красный цветок (сборник)*

Всеволод Михайлович Гаршин

Очень коротенький роман

«Стужа, холод... Январь на дворе и дает себя знать всякому бедному люду, дворникам, городовым – всем, кто не может спрятать нос в теплое место. Он дает себя знать, конечно, и мне. Не потому, чтобы я не нашел себе теплого угла, а по моей собственной фантазии...»

***Всеволод Гаршин. Очень
коротенький роман***

Стужа, холод... Январь на дворе и дает себя знать всякому бедному люду, дворникам, городовым – всем, кто не может спрятать нос в теплое место. Он дает себя знать, конечно, и мне. Не потому, чтобы я не нашел себе тепло-го угла, а по моей собственной фантазии.

В самом деле, зачем я брожу по пустой на-бережной? Четырехрожковые фонари ярко горят, хотя ветер врывается в фонарь и за-ставляет газовое пламя плясать. От их яркого света темная масса роскошного палаццо, а особенно его окна, кажутся еще мрачнее. В огромных зеркальных стеклах отражается ме-тель, мрак. Воет, стонет ветер над ледяной пу-стыней Невы. «Динг-данг! Динг-данг!» – разда-ется сквозь вихрь. Это куранты крепостного собора звонят, и каждый удар заунывного ко-локола совпадает со стуком моей деревяшки об обледенелые гранитные плиты и с удара-ми моего больного сердца о стенки его тесно-го помещения.

Я должен представиться читателю. Я моло-дой человек на деревянной ноге.

Быть может, вы скажете, что я подражаю Диккенсу; помните: Сайлас Бег, литератур-

ный человек с деревянной ногой (в романе «Our common friend»)? Нет, я не подражаю: я действительно молодой человек на деревянной ноге. Только я сделался им так недавно...

«Динг-данг! Динг-данг!» Куранты бьют сначала свое заунывное «Господи помилуй», а потом час. Еще только час! Еще семь часов до света! Тогда эта черная, полная мокрого снега ночь уйдет и даст место серому дню. Пойду ли я домой? Не знаю; мне решительно все равно. Мне не нужно сна.

Весною я тоже любил прохаживать целые ночи напролет на этой набережной. Ах, какие это были ночи! Что лучше их? Это не душная ночь юга, с его странным черным небом и большими звездами, преследующими нас своими взглядами. Здесь все светло и нарядно. Разноцветное небо холодно и красиво; известная по месяцеслову «заря во всю ночь» золотит север и восток; воздух свеж и резок; Нева катится, гордая и светлая, и спокойно плещет маленькими волнами о камни набережной. И на этой набережной стою я. И на мою руку опирается девушка. И эта девушка...

Ах, милостивые государыни и господа! За-

чем я начал рассказывать вам о своих ранах? Но уж таково глупое, бедное человеческое сердце. Когда оно ранено, оно мечется навстречу каждому встречному и ищет облегчения. И не находит его. Это совершенно понятно, кому нужен дырявый, нештопаный чулок? Всякий старается отбросить его носком подальше от своей ноги...

Мое сердце еще не нуждалось в штопанье, когда весной этого года я познакомился с Машею, наверно самую лучшую из всех Маш в мире. Познакомился я с нею на этой самой набережной, которая вовсе не была так холодна, как теперь. И у меня была настоящая нога вместо этой скверной деревяшки, настоящая стройная нога, такая же, как и моя оставшаяся левая. Я вообще был довольно строен и, уж конечно, не походил, как теперь, на какого-то раскоряку. Дурное слово, но теперь мне не до слова... Итак, я познакомился с нею. Случилось это очень просто; я шел. Она шла (я во все не волокита, то есть не был волокитою, потому что я теперь с деревяшкою)... Не знаю, что-то меня толкнуло, и я заговорил. Прежде всего, конечно, о том, что я вовсе не из тех

наглецов и т. д.; потом о том, какие у меня чистые намерения, и пр. и пр. Моя добродушная физиономия (на которой теперь толстая складка повыше переносья, очень мрачная складка) успокоила девушку. Я проводил ее до Галерной улицы и до самого дома, где она жила. Она возвращалась от своей старой бабушки, жившей у Летнего сада, к которой она каждый вечер ходила читать романы. Бедная бабушка была слепа!

Теперь бабушка умерла. В этом году умерло так много и не старых бабушек. Мог умереть и я, и даже очень мог, уверяю вас. Но я выдержал.

Господа, сколько горя может выдержать человек? Вы не знаете? И я тоже не знаю.

Очень хорошо. Маша приказала мне быть героем, и потому мне нужно было ехать в армию.

Времена крестовых походов прошли; рыцари исчезли. Но если любимая девушка скажет вам: «это кольцо я!» и бросит его в огонь пожара, ну, хоть самого большого пожара, положим Фейгинской мельницы (как это было давно!), – разве вы не броситесь, чтобы его до-

стать? – «Ах, какой он странный, конечно нет, – отвечаете вы: – конечно нет! Я отправлюсь к Буду и куплю ей новое в десять раз дороже». И она скажет, что она теперь уже не то, а это, дорогое кольцо? Никогда не поверю. Впрочем, я не вашего закона, читатель.

Быть может, та женщина, которая вам нравится, и сделает так. Вы ведь, наверное, владелец многих сотен акций и, может быть, даже член «Греггер и Ко». Вы даже в Бухарест выписываете «Стрекозу» для развлечения. Помните, быть может, в детстве вам случилось наблюдать бабочку, налетевшую на огонь?

Вы тогда тоже развлекались. Бабочка трепетала, лежа на спине и махая коротенькими опаленными крыльями. Вы находили это интересным; потом бабочка надоедала вам, и вы давили ее пальцем. Бедное созданище перестало страдать. Ах, благосклонный читатель! Если бы вы могли придавить пальцем и меня, чтобы и я перестал страдать! Она была странная девушка. Когда объявили войну, она несколько дней ходила мрачная, молчаливая, я ничем не мог развлечь ее.

– Послушайте, – сказала она мне однажды: – вы честный человек?

– Могу допустить это, – отвечал я.

– Честные люди делом подтверждают свои слова. Вы были за войну: вы должны драться.

Она хмурила брови и крепко жала мою руку своею маленькой ручкой.

Я смотрел на Машу и серьезно сказал ей:

– Да!

– Когда вы вернетесь, я буду вашей женой, – говорила она мне на дебаркадере. – Вернитесь!

Слезы душили меня, я чуть не разрыдался. Но я был тверд и нашел силы ответить Маше:

– Помните, Маша, честные люди...

– Делом подтверждают свои слова, – закончила она фразу.

Я прижал ее последний раз к сердцу и бросился в вагон.

Я пошел драться из-за Маши, но я честно исполнил свой долг и относительно родины. Я бодро шел по Румынии под дождем и пылью, в жар и холод. Я самоотверженно грыз сухари «компаний». Когда случилась первая встреча с турками, я не струсил: за это мне да-

ли крест и произвели в унтер-офицеры. Когда случилась вторая встреча – что-то хлопнуло, и я хлопнулся о землю. Стон, туман... Доктор в белом переднике, с окровавленными руками... Сестры милосердия... Моя отрезанная нога с родимым пятном ниже колена... Все это как сон пролетело мимо меня. Санитарный поезд с комфортабельнейшими постелями и наиизящнейшею уполномоченною дамою летит и несет в Петербург.

Когда покидаешь город, как следует, двуногий, а возвращаешься в него с одной ногой и обрубок вместо другой – это чего-нибудь стоит, поверьте мне.

Меня положили в госпиталь; это было в июле. Я просил отыскать в адресном столе адрес Марьи Ивановны Г., и добродушный сторож-солдат принес мне его. Все там же, на Галерной!.. Я пишу письмо, другое, третье – и не получаю ответа.

Мой добрый читатель, я рассказал вам уже все. Вы мне, конечно, не поверили. И история невероятная: какой-то рыцарь и какая-то коварная изменница. «Точь-в-точь старый роман!» – Мой проницательный читатель, вы

напрасно не верили мне. Есть такие рыцари и кроме меня...

Наконец мне приделали деревяшку, и я мог сам узнать, что было причиною молчания Маши. Я доехал до Галерной на извозчике, потом заковылял по длинной лестнице. Как я взлетал на нее восемь месяцев тому назад! Наконец вот и дверь. Я звоню с замиранием сердца:...За дверью слышны шаги; старая горничная Авдотья отворяет мне, и я, не слушая ее радостных возгласов, бегу (если можно бежать на разнокалиберных ногах) в гостиную, Маша!

Она не одна: она сидит с своим дальним родственником, очень хорошим молодым человеком, который при мне кончал курс в университете и рассчитывал получить очень хорошее место. Оба они очень нежно (вероятно, по случаю деревяшки) поздоровались со мною, но оба были сконфужены. Через четверть часа я все понял.

Я не хотел становиться поперек их счастья. Проницательный читатель ехидно улыбается: неужели вы хотите, чтобы я верил всем этим рассказням?

Кто же уступит любимую девушку какому-нибудь шалопаю даром?

Во-первых, он вовсе не шалопай, а во-вторых... Я бы, пожалуй, сказал вам, что во-вторых... но вы не поймете... Вы не поймете, потому что не верите, что в наше время есть добро и правда. Вы бы предпочли несчастье трех людей несчастью вас одного. Вы не верите мне, проникательный читатель.

И не верьте; бог с вами!

Третьего дня была свадьба; я был шафером. Я гордо исполнял свои обязанности при церемонии, во время которой драгоценнейшее для меня существо отдавало себя другому. Маша иногда робко взглядывала на меня. И ее муж обращался со мною так смущенно-внимательно. На свадьбе было весело.

Пили шампанское. Немцы-родственники кричали «hoch!» («ура!») и называли меня «der russische Held» («русский герой»). Маша и ее муж были лютеране.

«Ага, ага, – вопит проникательный читатель, – вот вы и попались, господин герой! Для чего вам понадобилось лютеранское исповедание? А для того, что в декабре право-

славных не венчают! Вот и все-с. И все ваши рассказы чистая выдумка».

Думайте, что хотите, проницательный читатель. Мне это решительно все равно. Но если бы вы походили со мною этими декабрьскими ночами по Дворцовой набережной, послушали бы со мною бури и куранты, стук моей деревяшки; если бы вы прочувствовали, что у меня делается на душе в эти зимние ночи, вы бы поверили... «Динг-данг! Динг-данг!» Куранты бьют четыре часа. Пора идти домой, броситься на одинокую холодную постель и уснуть. До свидания, читатель!